

Тянь Яо уснул практически сразу после этих слов. Обычно перед сном он долго болтал, но сегодня в комнате было тихо, только слышалось его тяжёлое дыхание.

Юй Ян за день несколько раз просыпался и снова засыпал, и сейчас ему совсем не хотелось спать. Ночь многое усиливает — дыхание Тянь Яо, его собственные беспокойные мысли.

Тянь Яо причмокнул губами, перевернулся и снова заговорил во сне:

— Дикий кабан... пять лян серебра...

Уголок рта Юй Яна дёрнулся.

— Коляска... десять лян... — Тянь Яо снова перевернулся. Возможно, из-за дневных событий он спал не так спокойно, как раньше. — Ммм... нанму не нашёл...

Улыбка застыла на губах Юй Яна. Он не ожидал, что Тянь Яо отправился в горы на охоту, чтобы сделать для него коляску.

Сердце Юй Яна в этот момент словно вымочили в уксусе — кислое и мягкое. Он всегда знал, что этот брак с Тянь Яо — лишь временное соглашение, но не думал, что Тянь Яо зайдёт ради него так далеко.

Он и сам не понимал, что сейчас чувствует. Но когда Тянь Яо снова перевернулся и его рука снова легла на него, Юй Ян уже не убрал её.

Тянь Яо спал крепко и сладко. Проснулся он позже обычного. Когда открыл глаза, Юй Ян уже не спал — сидел, прислонившись к изголовью кровати, и листал книжечку, которую оставил маленький папочка.

— Доброе утро, Юй Ян, — Тянь Яо сел. Раны на шее ещё не затянулись корочкой — после его ночной возни уже хорошо, что из них снова не пошла кровь.

Он не ждал ответа от Юй Яна, потянулся, задел больное место и зашипел.

Юй Ян опустил книжечку и посмотрел на него:

— На теле тоже есть раны?

Тянь Яо покачал головой:

— Не знаю, я не заметил.

Он, не стесняясь, снял с себя нижнюю рубашку и показал спину, потом опустил взгляд на живот — на животе был большой синяк, должно быть, кабан лягнул его, когда они схватились. В остальном всё было в порядке.

Юй Ян не ожидал увидеть его тело. Кожа у Тянь Яо была очень белой, и от этого синяки на пояснице казались ещё более тёмными.

Юй Ян, увидев его тело, наконец связал его с гэрмом — потому что только у гэрмов бывает такая белая кожа.

— У меня на спине есть раны? — Тянь Яо снова надел рубашку, натянул обувь и встал с кровати.

Он заметил, что Юй Яну неловко, и усмехнулся:

— Что, даже посмотреть на меня нельзя?

Корни ушей Юй Яна покраснели ещё сильнее. Тянь Яо перестал его дразнить:

— Мне нужно ещё раз сходить в горы. Вернусь после полудня, разделаю этого кабана, а завтра отвезу в посёлок продавать.

Юй Ян не ожидал, что он сегодня снова пойдёт в горы, и нахмурился:

— Опять?

— Папа мне говорил: нельзя, чтобы звери узнали дорогу в деревню. Если из-за меня деревня пострадает, мой папа перевернётся в гробу и придёт меня ругать.

Он переоделся:

— Я быстро вернусь.

— Сорви для меня несколько трав: санци и дерезу китайскую.

Маленький папочка учил его различать травы. Те две, о которых сказал Юй Ян, были очень распространёнными, сейчас как раз сезон — не составило труда.

Тянь Яо снова поднялся в горы, зажёл факел и по дороге сжёг несколько пахучих растений, чтобы преградить путь из глубокого леса в деревню.

Дождавшись, когда огонь догорит и не останется ни малейшего риска лесного пожара, он нашёл травы, которые просил Юй Ян, и только тогда вернулся в деревню — было ещё не позднее «сы» (9:00-11:00 утра).

Тянь Яо не мог сидеть без дела. Вернувшись домой, он приготовил еду, дождался, пока Юй Ян поест, потом вскипятил воду и собрался разделывать кабана. В древности был повар Дин, разделывавший быков, а ныне он, Тянь Яо, будет разделывать кабана.

Раньше он только смотрел, как это делает папа, сам никогда не брался, но основные шаги помнил отлично — оставалось только сделать.

Юй Яна он тоже вынес во двор — пусть посмотрит, как он разворачивается.

Сам Юй Ян тоже не сидел без дела: он перебирал травы, которые Тянь Яо принёс ему. Раз у Юй Яна нашлось собственное дело, Тянь Яо был обеими руками за.

Ножом Тянь Яо владел хорошо, и кабан под его рукой быстро разделился на несколько крупных частей.

Он работал сосредоточенно, в это время года пот со лба капал вниз. Капли скатывались по лицу, доходили до шеи и попадали на рану — от боли он постанывал.

Юй Ян дождался, пока он, потратив почти два часа, наконец разделал кабана, и только тогда поманил его пальцем.

Тянь Яо подумал, что когда он зовёт, он бежит к нему — совсем как Пепел, который сейчас крутился у его ног.

— Присядь.

Тянь Яо послушно опустился на корточки.

— Голову подними.

Тянь Яо понял и слегка запрокинул голову.

Холодный сок из трав попал на рану на его шее и успокоил жгучую боль от пота, которая была там раньше. И только тогда он понял — Юй Ян просил его сорвать травы, чтобы приготовить лекарство для него.

Он улыбнулся, сверкнув двумя белыми зубами, чуть не ослепив Юй Яна, и даже немного нахально сказал:

— У меня и на теле есть раны. Дома есть настойка для растирания. Может ты мне и спину натрёшь?

В ответ — бесстрастное лицо Юй Яна.

— Хочешь завтра поехать со мной в посёлок?

Юй Ян только взглянул на свои ноги. Тянь Яо понял, что его беспокоит, и сказал:

— Завтра я могу взять у старосты повозку с волом. С такой здоровенной тушей кабана если я так открыто повезу, найдутся завистники. А у старосты повозка с крытым верхом, я смогу и тебя взять.

Юй Ян кивнул.

Тянь Яо обрадовался так, что слов не нашёл. Он сжал руку Юй Яна:

— Я схожу к тётушке Шунь, посмотрю, не готова ли твоя одежда.

Он вихрем выбежал за ворота. Юй Ян посмотрел во двор — все вещи так и остались разбросанными. Пепел стоял у порога, не поспев за ним.

Он виновато вернулся и снова лёг у ног Юй Яна.

Тянь Яо по дороге зашёл к старосте и договорился взять повозку с волом, а потом уже отправился к тётушке Шунь.

Тётушка Шунь догадалась, зачем он пришёл, и подшутила:

— Я же не так быстро шью. Только день прошёл.

Тянь Яо и сам понимал, что торопится, и смущённо почесал затылок:

— Я завтра хочу его в посёлок взять. Хотелось бы, чтобы он в новой одежде поехал.

— Я думаю, ещё дня через три будет готово.

— Ладно, тётушка, не спешите.

— Это ты не спеши!

На следующий день Тянь Яо встал рано, сходил к старосте запрячь вола, испёк несколько лепёшек, чтобы Юй Ян мог подкрепиться в дороге, и, погоняя вола, медленно покотил в посёлок.

На самом деле повозка с волом была не намного быстрее, чем если бы он шёл пешком. Когда они выехали из деревни, он откинул полог, закрывавший повозку.

На Юй Яне всё ещё была одежда папы Тянь Яо — выстиранная до белизны, но чистая.

Всего за два-три дня Юй Ян стал выглядеть намного бодрее. Может, Тянь Яо показалось, но ему почудилось, что лицо у Юй Яна слегка округлилось.

— От деревни до посёлка на повозке с волом — около получаса. Ты как? Если укачает, могу поехать помедленнее.

— Не нужно.

Тянь Яо так и сиял. Дорога, которая раньше казалась ему длинной, в этот раз пролетела незаметно.

Сначала он отвёз Юй Яна в чайный дом, заказал ему кувшин чая и, не совсем спокойный, оставил ему немного серебра:

— Если захочешь чего-нибудь съестного, позови работника — сбегает купит. Я быстро вернусь.

Юй Ян кивнул.

На главную улицу посёлка повозку с волом пускали не везде. За пределами посёлка были специальные люди, присматривавшие за повозками — платили по времени. Тянь Яо оставил повозку, взял огромную корзину, взвалил на спину свинину и пошёл на улицу, где располагались закусовые.

Корзина у него была очень большая, по дороге все оборачивались.

«Кэчанлай» в посёлке — заведение, куда папа Тянь Яо раньше часто сдавал дичь. Управляющий тоже хорошо знал Тянь Яо — это всё связи, нажитые отцом.

— Яо-гэр, давно не виделись. Что у тебя сегодня за сокровище такое — корзина-то вон какая?

Тянь Яо улыбнулся:

— Дикий кабан. Позавчера поднялся в горы, как раз повстречался.

Управляющий присвистнул:

— Ну ты даёшь — сын-гэр охотника Тяня! Такого кабана — да ты, маленький гэр...

Тянь Яо захихикал:

— Сами цену назначите?

— Лучшее мясо оставь мне. Давно у нас дичи не было. Лавочники в посёлке уже слюной исходят. Как раз скоро зима, засолю немного — переживём это смутное время.

Тянь Яо с радостью помог ему отнести мясо на кухню. Чистого мяса оказалось около двухсот цзиней. Управляющий забрал всё. Он знал, как трудно приходится одному гэру, поэтому цену сбивать не стал — дал по двадцать монет за цзинь, тем более что дикий кабан — редкость.

Тянь Яо кивнул, получил от управляющего четыре лян серебра и ещё восемьсот монет. Тянь Яо тоже был человеком честным — добавил сверх того серого зайца.

Когда он вышел из «Кэчанляя», его корзина опустела — остались только обрезки да кое-какие кости.

Одному ему с Юй Яном столько не съесть, поэтому он отправился на рынок.

Рынок делился на две части: одна — с постоянными местами, за которые платили сбор, где торговали те, кто в посёлке постоянно, а другая — для временных мест, за два медяка можно было разложить товар.

Тянь Яо нашёл смотрителя, отдал деньги, получил квиток и пошёл торговать.

В посёлке люди жили в основном достаточно зажиточно и охотно тратили деньги на удовольствия для языка. Поэтому стоило Тянь Яо выложить кабанятину, как вокруг него собрались люди.

— Ой, это что — дикая свинина?

— А почему всё обрезки?

— Маленький гэр, почём мясо?

Тянь Яо вытер пот со лба:

— Двадцать монет за цзинь.

Несколько гэров и тётушек обступили его:

— Да у тебя же не вырезка уже. А дорого всё равно. Сбавь, я возьму цинь-другой.

Тянь Яо ещё думал о Юй Яне и не хотел долго препираться:

— Ладно-ладно. Всё равно немного осталось. Продам — и домой.

Вскоре он распродал всё мясо из корзины, оставил только несколько берцовых костей. Продавать их он не стал, просто собрал вещи и пошёл обратно в чайный дом.

Он даже не успел сосчитать, сколько сегодня заработал, но быть с добычей — само по себе радостно. Проходя мимо палатки с лепёшками, он впервые за долгое время потратил три медяка — купил мясную лепёшку.

Потом, подумав, что Юй Ян сидит дома постоянно, купил ещё несколько сортов печенья, которые могут долго храниться, — пусть, когда проголодается, будет чем перекусить. И ещё добавил много всяких вещей для дома.

Когда он подошёл к чайному дому, где оставил Юй Яна, на стуле напротив сидел какой-то гэр и, улыбаясь, о чём-то с ним болтал.

Тянь Яо нахмурился и, кипя от злости, направился к ним.

п/п:

Санци и дереза китайская (参, sān qī и 马钱子, mǎ qián zǐ) — лекарственные травы, традиционно используемые в китайской медицине. Санци (*Panax notoginseng*) — «женьшень трёх семи», известный кровоостанавливающим и обезболивающим действием, часто применяется при травмах. Дереза китайская (*Strychnos nux-vomica*) — содержит стрихнин, используется в микроскопических дозах как тонизирующее и болеутоляющее средство при параличах и заболеваниях суставов, однако является ядовитой и требует осторожного обращения.

«Смутное время» (青黄不接, qīng huáng bù jiē) — буквально: «когда зелёное ещё не поспело, а жёлтое уже кончилось». Устойчивое выражение, описывающее период перед сбором нового урожая, когда старые запасы уже на исходе. В переносном смысле — трудные времена, период нехватки.

<http://bllate.org/book/17624/1640700>